

ЕЛЕНА ЛИТИНСКАЯ

ПОНЯТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОСТИТЬ

ЕЛЕНА ЛИТИНСКАЯ

ПОНЯТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОСТИТЬ

BOSTON • 2022 • CHICAGO

Елена Литинская
Понять нельзя простить
Повести и рассказы

Yelena Litinskaya
Understand Must Not Forgive
A Collection of Short Stories

Copyright © 2022 by Yelena Litinskaya

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978–1–950319–78–7

Proofreading by Julia Grushko
Book design and layout by Yulia Tymoshenko
Cover design by Larisa Studinskaya

Published by M•Graphics | Boston, MA
📄 www.mgraphics-books.com
✉ mgraphics.books@gmail.com

In cooperation with Bagriy & Company | Chicago, IL
📄 www.bagriycompany.com
✉ printbookru@gmail.com

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Понять нельзя простить	11
Исповедь матери	95
Летний роман	145
Соперницы.	167
Квартеронка	177
Из жизни хоуматенда	193
В тенётах страсти нежной	205
Осенние цветы	221
Искушение	245
Под созвездием Ковида	265

О КНИГЕ ЕЛЕНА ЛИТИНСКОЙ «ПОНЯТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОСТИТЬ»

Моё знакомство с творчеством Елены Литинской началось со стихов. Это было более двадцати лет назад. Потом я прочла её первые рассказы в легендарном двуязычном журнале «Слово/Word». С тех пор у неё вышло двенадцать книг стихов и прозы. И вот перед нами новый прозаический сборник, названный по одноимённой повести, финалисте ежегодного конкурса «Нового журнала».

Алексей Толстой сказал когда-то молодому поэту Валентину Берестову, что «поэзия начинается не с рифмы, не с ритма и не с образа, а с доброго чувства». И поэзия, и проза Елены Литинской всегда проникнуты добрым чувством. Это не отдаёт приторной слащавостью или излишней романтичностью. Её сюжеты отражают жизнь с её трагизмом и юношескими надеждами, разочарованиями и счастьем, ударами и подарками судьбы. Стиль Литинской отличают ирония, мудрость, пронизательность, точные наблюдения, ёмкие, меткие характеристики.

Жизнь одарила Елену уникальными для писателя возможностями для развития языка. Она коренная москвичка, но в дошкольном возрасте некоторое время жила в деревне, где столкнулась с совершенно иным образом жизни, с её просто-

народным говором, близостью к земле, природе, живности. Мать Литинской подростком приехала в Советский Союз из Вильнюса, бывшего частью Польши, и детство и юность Елены прошли в тесной близости с польским языком и культурой, поездками к дедушке и бабушке, которые были актёрами еврейского театра в Варшаве. Благодаря этому она рано познакомилась с еврейскими культурными традициями. Окончив филологический факультет МГУ, Елена добавила в свой актив третий славянский язык — чешский, и до сих пор переводит чешскую поэзию. Это тоже бесценный для писателя опыт, потому что ремесло переводчика требует виртуозного владения родным языком. А после эмиграции в США в 1979 году она за 30 лет работы в Бруклинской библиотеке слышала всевозможные диалекты, акценты и сленг русскоязычных соотечественников. Здесь же столкнулась с людьми разных судеб.

Среди героев книги — россияне, прожившие всю жизнь в СССР и России, русскоязычные эмигранты, живущие в США, и коренные американцы. Героям книги приходится сталкиваться с драматическими событиями, определявшими эпоху на протяжении последнего столетия, включая события в послереволюционной России, в Польше Пилсудского, в послевоенные годы в Москве и российской глубинке, массовую эмиграцию, а также с ситуациями, не зависящими ни от эпохи, ни от страны проживания и национальной принадлежности — любовь, ревность, предательство, верность, ошибки молодости, счастливые и несчастные случайности, переворачивающие жизнь.

Незаживающая рана — ранняя смерть матери после эмиграции Елены в Америку в те годы, когда прощались навсегда, и она не могла приехать в Москву даже на похороны. Елена писала об этом в стихах.

...Если можешь, прости мне мою жестокосердную юность
И никчемных стихов витиеватый пыл.
Если можешь, прости влюблённостей многострунность
И всех, кто дороже тебя мне когда-то был.

Если можешь, прости мой отъезд поспешный
Нечастых писем и подарков дешёвую дань.

Если можешь, прости, ведь и ты была не безгрешной,
Ведь и ты своей матери говорила «отстань!»
(«К портрету матери»)

Спрошу тебя, зачем ушла так рано...
Оставив мне за океаном
Свою могилу, как упрёк.

(«Разговор»)

И вот в повести «Исповедь матери» разговор состоялся. Образ матери стал являться ей во сне. «В ночь с субботы на воскресенье мама неслышно вошла в мой сон. Не только не старая, напротив, неожиданно ослепительно молодая, с распущенными длинными волосами цвета тёмной меди, высоким, мраморно-белым лбом и мягко-бархатными карими глазами. Такой я её помнила, когда была совсем маленькой девочкой, лет шести-восьми». И мать рассказывает ей о своей жизни, говорит о понимании и прощении в ответ на запоздалые слёзы дочери: «Я люблю тебя инисколько на тебя не сержусь, ибо сама была такая в молодости, зацикленная на своём мироощущении. Только когда ты родилась, я частично переключила внимание от себя любимой на тебя, и то не сразу». Но повесть Литинской не просто семейная сага, а отражение бурной эпохи, в водовороте которой члены семьи теряли и вновь обретали друг друга, а некоторые исчезали бесследно. «Рано или поздно настанет и твой черёд, — говорит ей во сне мать. — Не надо спешить умереть, но и вовсе не надо этого страшиться. Жизнь — божий дар, но и смерть тоже».

Всё, что происходит с нами в жизни, не исчезает бесследно и иногда возвращается. Во сне Елена напоминает матери об их недолгой жизни в деревне: «Вам с папой было тяжело, а мне легко и вольготно. Шаховская оставила в моей памяти только светлые дни, несмотря на бедность нашего быта... Я даже написала воспоминания о нашей жизни в Шаховской, опубликовала их в американском журнале и нашла по Интернету своих сельских подружек. Представляешь, они вспомнили меня, и мы с ними переписываемся. А Шаховскую не узнать! Теперь это весьма современный районный центр с мощёными улицами и красивыми домами, в которых живут зажиточные люди».

Между нами, жителями Земли, столько общего! В «неполноценной, сугубо женской семье» растёт американская девочка, жизнь которой осложняется тем, что из-за своей бабушки-негритянки она, родившаяся белокожей, «не вписывалась ни в белую, ни в чёрную расовую группу» («Квартеронка»). А сибирячка, приехавшая в США на заработки, рассказывает, что благосостояние её неполноценной, исключительно женской семьи полностью зависело от её заработка («Из жизни хоуматенда»). Эта героиня «помешана на чистоте», как и директор филиала Бруклинской публичной библиотеки с незадавшейся женской судьбой («В тенётах страсти нежной»).

В жизни героев книги много узнаваемого, но некоторые из них попадают в необычные и даже чудесные обстоятельства, как пятидесятилетняя москвичка, после двух неудачных браков нашедшая своё, пусть недолгое, счастье («Осенние цветы»), или героиня рассказа «Под созвездьем Ковида», прошедшие через череду встреч и невстреч. Заканчивая чтение очередного рассказа, я порой вспоминала концовки рассказов О'Генри или пушкинских повестей Белкина. Говоря на языке и с интонацией своих современников, Елена Литинская не порывает с классической традицией.

*Татьяна Янковская,
Нью-Йорк*

ПОНЯТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОСТИТЬ

*Всех, кто стар и кто молод, что ныне живут,
В темноту одного за другим уведут.
Жизнь дана не на век. Как до нас уходили,
Мы уйдём; и за нами — придут и уйдут.*

Омар Хайям

Немного истории

Сейчас, когда бóльшая часть моего земного существования уже прожита и не приходится ждать значительных приятных поворотов-сюрпризов на дороге жизни, разве что остаётся надеяться на маленькие радости, за которые я благодарна судьбе, или Всевышнему (или ангелу-хранителю), моё сознание часто разворачивается вспять, и я погружаюсь в воспоминания, пытаюсь оживить застывшие картины далёкого и не столь далёкого прошлого... Для чего? Наверное, чтобы повторно насладиться просмотром ярких картин, которые украсили мою книгу жизни, извлечь уроки из заблуждений и ошибок и доказать себе, что всё случилось не зря, что со-слагательное наклонение и связанные с ним сожаление и раскаяние в моём случае неприменимы. Что все победы и поражения, радости и горести были мне предначертаны в связи с датой рождения, наследственностью и моим характером и имели свой скрытый смысл. Словом, что иначе и быть не могло.

Родилась я после войны, пополнив своим появлением на свет поколение бэби-бумеров, в городе Москве, в знаменитом Доме правительства на Берсеневской набережной, который

вошёл в историю и литературу как Дом на набережной, а также был известен под другими названиями: Первый Дом Советов или Дом ЦИК и СНК СССР.

Наша огромная четырёхкомнатная шестидесятиметровая квартира на десятом этаже с балконом и видом на Кремль была в 1931 году предоставлена (вместе с роскошной мебелью, выполненной на заказ специально для квартир этого дома) в пользование моему деду Ивану Павловичу Н-ову, который хоть и был дворянского происхождения (из мелкопоместных), но искренне вдохновился идеей революционной борьбы, участвовал в Октябрьской революции, а затем и в Гражданской войне (естественно, на стороне красных), решительно вступил в партию большевиков и дослужился до высокого поста в советском правительстве. В 1931 году молодому идеалисту и члену правительства было тридцать пять лет. В те времена у власти стояли молодые, они горели на работе и вне её и — увы! — рано старели.

Вселился мой дед в этот дом вместе с тридцатилетней женой Марией и четырёхлетней дочерью Наташей, которая и стала в 1948 году моей матерью. В отличие от мужа, Мария была купеческого рода. В Гражданскую войну она служила медсестрой в Красной армии и тем самым так же, как и мой дед, вроде бы «искупила» грех своего отнюдь не пролетарско-крестьянского происхождения.

Мария Петровна (моя бабушка Маша) дома не сидела и, выйдя замуж, продолжила медицинское образование, получив сначала профессию врача-терапевта, а впоследствии должность в Кремлёвской больнице. В общем, Кремль вошёл в нашу семью изнутри и плотно окружил снаружи. Не вырваться было из его цепких объятий...

Так как дед и бабушка много работали, домашнее хозяйство и уход за маленькой Наташенькой поручили няне, расторопной и добросердечной деревенской девушке Авдотье. Так случилось, что Авдотья (Дуня) потеряла в годы революции и войны семью и кров. Мужа убили бандиты (то ли белые, то ли зелёные, то ли ещё какие-то...), ребёнок умер в младенчестве от тифа, дом сожгли, скот растащили. Что было делать? Остаться на пепелище означало нищенство или голодную смерть. Вот она и подалась из разорённой

деревни в Москву за лучшей долей. Дуня хотела было устроиться работать швей на фабрику и найти себе подходящего мужа, если повезёт, ведь она была ещё молода (двадцати двух лет) и собою весьма недурна. Но снять комнату было дорого, а получить место в общежитии непросто и нескоро, поэтому первое время она пристраивалась на ночь на вокзале или на скамейке в сквере, где её и подобрала моя бабушка. (Хорошо, что дело было летом при тёплой погоде.) Добросердечная, жалостливая бабушка прониклась сочувствием, симпатией и доверием к одинокой, растерянной молодой крестьянке и сразу позвала её в наш дом переночевать, где Дуня и осталась до самой своей смерти в 1985 году. Замуж она так и не вышла и своей семьи не завела. Мы стали её семьёй.

Четырёхкомнатную квартиру дедушка с бабушкой распределили следующим образом: спальня — для них; гостиная (она же столовая) — для семейных обедов и приёмов гостей; кабинет, в котором стоял массивный письменный стол, заваленный бумагами, стенной шкаф и диванчик — исключительно для деда. На этом диванчике он частенько спал, когда возвращался домой не столько поздно, сколько уже рано. И детская, которую Наташа делила с няней Дуней.

В спальне на широченной кровати чаще всего спала в негордом одиночестве бабушка, так как дед вечно пропадавал то на работе, то на даче, то на рыбалке или на охоте, то — неизвестно где. Злые языки говорили, что он был любителем женского пола и менял пассий: актрис, балерин и секретарш. Но бабушка не верила досужей болтовне о дедушкиных любовных похождениях, считая все эти разговоры пустыми сплетнями завистников и злопыхателей, и обожала мужа. Да и дед, несмотря на свои вечные похождения и увлечения, жену свою любил и даже постоянно ревновал, хотя и ревновать-то её было не к кому, разве что к пациентам.

Кухонька была махонькая, чисто символическая, так как архитектор и строители дома предусмотрели (в первом дворе в здании клуба) общую для всех жильцов огромную кухню-столовую. Зачем же готовить в семье, если можно, не выходя из дома, по специальным талонам приобрести вкусный

и питательный обед и принести его в судках домой! Что почти все жильцы и делали. Кроме клуба ВЦИК имени Рыкова (ныне Московский театр эстрады), дом также включал кинотеатр на полторы тысячи мест, спортивный зал, универмаг, прачечную, амбулаторию, сберкассу, отделение связи, детский сад и ясли. Во внутренних дворах были разбиты газоны с фонтанами. Мебель в доме (столы, буфеты и прочее) была казённая, с бирками. Горячая вода подавалась от теплоцентрали. В общем, Дом на набережной представлял собой независимый объект, особый город в городе, этакую элитную версию коммуналки для удобства проживания крупных советских деятелей и их отпрысков: партаппаратчиков, работников НКВД, высоких военных чинов, членов правительства, выдающихся артистов, музыкантов, писателей и прочих знаменитостей, так или иначе причастных к Олимпу молодого советского государства.

Новые жильцы получали роскошные квартиры и, ощущая свою привилегированность, радостно вселялись в уникальный город-дом. Однако их радость была недолгой. Через какое-то время (месяц, полгода, год...) ночью за многими приезжал «чёрный воронок» и люди исчезали — по доносу и наводке часто своих же так называемых друзей или знакомых, жаждавших получить квартиру арестованных. (Не зря наш дом также негласно прозвали «Домом предварительного заключения».) Репрессированные исчезали на долгие годы или навсегда: кому какая судьба выпадала (расстрел, тюрьма, ссылка в лагерь или на отдалённое поселение).

Круг соседей и коллег деда сужался. Иван Павлович интуитивно чувствовал приближение рокового дня, когда и за ним придут, но в 1937 году, незадолго до «большой чистки», перенапрягся на работе и вовремя умер от сердечного приступа. Смерть избавила его от допросов и мучений, а также спасла нашу семью от выселения. Мы не стали семьёй репрессированного и поэтому остались жить в Доме правительства. Бабушку не тронули, так как её в Кремлёвке ценили и в начальники она не лезла.

РАННЕЕ ДЕТСТВО

К концу сороковых годов мама выросла в красивую пышноволосяную девушку, поступила (пойдя по стопам бабушки) в медицинский институт и вышла замуж за бывшего одноклассника Сергея, который к тому же проживал в нашем доме, так как его отец был крупным военачальником, героем Гражданской войны. Не знаю, чего тут было больше — любви или трезвого расчёта (смею ли я рассуждать на эту тему, а вот рассуждаю), но брак моих родителей длился долгие годы, пока не... Но не будем торопить события.

Вернёмся к началу их семейной жизни. Молодые поселились в гостиной, переоборудовав её под свою спальню. И гостиной для приёмов у нас больше не стало. Да и сами большие приёмы стали редкостью. Когда приходили гости (не так много, как прежде), родители раздвигали стол у себя в спальне. А то и выносили его в просторный коридор, в котором — хоть катайся на велосипеде. Что я и делала, когда мне в четыре года подарили трёхколёсный велосипед.

Сначала родилась я, Ирина, а через четыре года — моя сестра Марина. Вот так нас называли (для благозвучия, что ли, в рифму: Ирина — Марина). Через несколько месяцев после рождения Мариночки няня Дуня переместилась вместе с новорождённой в бывший дедовский кабинет, который долгое время, в связи с благоговейным отношением бабушки к памяти деда, пустовал, служа своего рода семейным музеем с фотографиями в рамках, развешанными по стенам, и альбомами в ящиках дедовского письменного стола.

Меня, четырёхлетнюю, оставили в детской. То-то я радовалась! Помню себя именно с этого возраста. Никто по ночам теперь не орал, спать не мешал, замаранными пелёнками и молоком не пахло. Свобода и покой! Утром, если я вставала до прихода няни, то перелезала через перильца на стул, смело выбиралась из кровати (диву даюсь, как это я ни разу не сверзилась!), садилась на коврик, доставала своих кукол, их одежду, миниатюрную мебель, детский сервизик и другую утварь и играла в дочки-матери. Я была матерью, переодевала, кормила, баюкала и укладывала спать своих «дочек». Неожиданно открывалась дверь, и раздавался нянин голос:

— Проснулась, Иринушка, любушка моя? Ранняя пташка. Опять на полу сидишь? Замёрзла, поди. Давай скорей одеваться, умываться и кушать.

— Не хочу умываться и кушать! Не кричи, моих деток разбудишь. (Я долго не выговаривала звук «р». Выходило: «Не кличи, моих деток лазбудишь!»)

— Пускай твои детки поспят, а ты пока умоешься, оденешься и покушаешь, — продолжала меня уговаривать няня. Я, замёрзшая на полу, в конце концов соглашалась и милостиво предоставляла няне проводить со мной утренние процедуры.

Интересно, что ни мама, ни папа никогда утром не заглядывали в детскую, отдав меня в полное распоряжение няни. Сестричку мама всё же несколько месяцев кормила грудью, а потом бросила это тяжёлое занятие (по её словам, пора было на работу выходить, засиделась дома), перетянула грудь и перевела Мариночку на искусственное питание, которое можно было купить в специальном отделе гастронома в нашем доме.

Родителей мы с сестрёнкой видели только вечером, когда мама возвращалась с работы, а отец выползал из так называемого творческого укрытия, где целый день выстукивал на машинке свои романы и другие литературные труды. Не всегда и вечером мы с сестрёнкой виделись с родителями. Часто папа с мамой уезжали на вечеринки (молодые были, любили гульнуть) и возвращались домой, когда мы уже спали. Суббота в те годы была рабочим днём. Оставался один выходной — воскресенье. Только в этот день, когда няню Дуню отпускали в церковь и по другим её личным делам, родители были вынуждены нами заниматься. А мы с Мариночкой с нетерпением ждали этого дня.

Мама покупала (из спецраспределителя для избранных, доступ к которому всё ещё имела наша семья при живой бабушке) красивые детские вещи и любила нас наряжать. Да и мы с сестрёнкой обожали это занятие. Мама и сама была всегда красиво и модно одета, никогда не ходила распустёхой, даже домашний халатик у неё был какой-то особенный — под японское кимоно из шёлка. От мамы приятно пахло заграничной косметикой и тонкими духами. Точно не «Красной Москвой» и не «Белой сиренью». Думаю, что фран-

цузские духи ей дарили её благодарные высокопоставленные пациенты и их жёны. Она к тому времени работала пластическим хирургом в Институте красоты на улице Горького (бывшей Тверской и вернувшей себе в 90-е годы своё прежнее название). Перевоплощала лица и тела. Мама читала нам сказки братьев Grimm и «Легенды и мифы Древней Греции». Я обожала маму и фантазировала, что моя необыкновенная мама сама была богиней красоты или музой и спустилась с Олимпа, чтобы потом когда-нибудь взять туда меня с собой.

В папины обязанности входило брать нас на воскресные прогулки. Мариночка — в коляске, я — ножками. Вдоль набережной был разбит сквер. Там среди деревьев и скамеек мы и прогуливались. Таким образом папа вносил свою положительную лепту в наше счастливое детство. С нами, малявками, он особо не разговаривал. Так и бродили мы туда-сюда по скверу около двух часов в молчании, пока Мариночка не начинала реветь, а я вслед за ней — проситься домой к маме. Папа трогал наши холодные носы, и прогулка завершалась. Впрочем, когда я пошла в школу, а сестрёнку отдали на полдня в наш местный (специальный) детский сад, папочка наконец обратил на нас внимание. Однажды я случайно услышала его реплику в разговоре с мамой:

— Наташ, какие у нас хорошенькие девчушки получились! А? Прямо загляденье!

— А ты как думал? Так и должно было быть при наших-то с тобой благородных дворянско-купеческих генах. Ха-ха-ха!

— Тсс! Тихо ты! Ты же знаешь, в нашем «Доме с призраками» у стен есть уши.

— И для этих ушей наше происхождение — отнюдь не тайна, — добавила мама.

— Для кого-то не тайна, а для кого-то тайна. Осторожность не помешает.

— Ты прав, любимый! Всё! Умолкаю.

Я тогда ещё не знала слово «гены» и подумала о нашем соседе по этажу, малолетнем Генке. Этот самый Генка был единственным ребёнком у своих родителей, смышлёным и милovidным. Всё это так. Но какое это имело отношение к нам, сёстрам? Странные люди эти взрослые! Непонятно, что говорят.

Я хотела спросить папу с мамой, но потом передумала, так как пришлось бы признаться, что подслушиваю разговоры взрослых. А подслушивать — это очень скверно. За такое и наказать могут. Последствия я интуитивно понимала с малых лет, но всё равно любила подслушивать. (Эта скверная черта моего характера открывала мне глаза на многое, что происходило в нашей семье. Вспоминаю и думаю, что лучше бы я не подслушивала! Может, моя жизнь сложилась бы по-другому.)

Генке было тоже пять лет. Он не был трусом, просто не любил мальчишечьи игры в войну. Домашний, обожаемый единственный ребёнок, зеница ока родителей. Ребята нашего двора его презирали и дразнили маменькиным и папенькиным сыночком, еврейчиком, жидёнком. (После войны во всём своём низменном откровении стал проявляться государственный и бытовой антисемитизм, за который прежде в послереволюционные годы могли и посадить.) Поэтому Генке ничего другого не оставалось, как дружить с девочками. Например, со мной. Зимой мы катались с горки на санках и играли в снежки, а весной и осенью — в классики и в мячик. (Летом наши семьи уезжали из душной Москвы на казённые дачи.) У Генки тоже была няня, которая дружила с моей. Когда мы с Генкой играли, няня Дуня качала коляску с шестимесячной Мариночкой и захлёб болтала с Генкиной няней. Они обсуждали жизнь своих хозяев: то осуждая, то восхваляя их. Газет и журналов деревенские женщины не читали, и их болтовня была своего рода светской хроникой последних событий.

Когда была плохая погода, Генкина няня приводила мальчика к нам (само собой, с разрешения моей бабушки). Мы лепили из пластилина разные фигурки, рисовали волшебные картинки, приговаривая: «Гром, греми, огонь, сверкай! Наш рисунок, оживай!». Мы ждали, рисунок не оживал, но это нас не смущало, и мы, забросив рисование, переходили к более бурной игре — в прятки. Благо в нашей огромной квартире было где спрятаться. В это время наши няни сидели на кухне, листали популярную в то время поваренную книгу «О вкусной и здоровой пище» и обсуждали новые рецепты обеденных блюд.

Частенько, расшалившись от беготни, мы создавали много шума. Тогда решительно открывалась дверь бабушкиной комнаты, бабушка выходила в коридор и строгим голосом говорила:

— Ну, всё! На сегодня, пожалуй, хватит. Наигрались. Приходите завтра.

— Простите, Мария Петровна! Это больше не повторится, — извинялась няня Дуня, и Генкина няня забирала мальчика домой.

Потом Генка вдруг перестал появляться во дворе, и к нам его тоже больше не приводили. Я недоумевала и скучала. Где его черти носили, моего друга? Заболел, что ли? («Где тебя черти носили?» было любимым выражением моей няни и бабушки, хотя моя прогрессивная и образованная бабушка ни в чертей, ни в домовых, ни в привидения и прочую нечисть не верила.)

— Ты не знаешь, где Генка и его няня? — спросила я у своей няни Дуни.

— А кто ж их знает! Может, в каком другом месте теперь гуляют, а может, и вовсе съехали с квартиры, — не очень уверенно сказала няня Дуня, оглянувшись по сторонам и добавила: — Времена нынче мутные! Ох и мутные времена настали!

— Генкина няня же твоя подруга. Ты должна знать, что с ними случилось, — настаивала я. Мы с Генкой были, что называется, неразлей вода, и я непременно хотела знать, что произошло. Без него и гулянье было мне не в радость.

— Ничего я не знаю и знать не хочу! Не спрашивай меня больше, девонька! И языком-то не болтай! Всё! Найди себе нового друга. Вон их сколько! Цельный двор!

— Не хочу нового друга! Хочу моего Генку! Генка хороший. — Я заревела и упёрлась лицом в нянин мягкий живот.

— Помолчи, девонька! — Дуня прикрыла мне рот рукой и снова огляделась по сторонам, как в кино про разведчиков. Она определённо знала что-то важное и упорно это важное от меня скрывала.

А через пару дней приехал грузовик. Генка топтался зарёванный на улице, а его мама стояла рядом, скрывая под вуалью покрасневшие глаза, пока какие-то люди грузили в кузов их узлы, коробки и чемоданы. Мебель не грузили, так как она

была казённым приложением к квартире. Я подошла к Генке, спросила:

— Почему вы уезжаете?

— Потому! Уезжаем — и всё! — буркнул Генка и отвёл взгляд.

— А где твой папа? Почему вы без папы уезжаете? Что случилось? Папа вас бросил? — К тому времени я уже знала, что некоторые плохие папы, негодяи и прохвосты — по няниному определению, бросают своих жён и детей и уезжают в неизвестном направлении, чтобы алиментов не платить.

— Бросил — не бросил... Тебе-то какое дело? — огрызнулся Генка.

— Какой ты стал грубый! Фу! — обиделась я, манерно копируя интонации и выражения мамы и бабушки. — Больно надо мне знать! — И для пущего веса добавила где-то подхваченное выражение: — Скатертью дорога! — хотя не понимала, как это дорога может лечь скатертью. Дорога длинная, а скатерть слишком короткая. Не понимала, но любила украшать свою речь, вставляя в неё, к месту и не к месту, выражения взрослых. Вообще, любовь к русскому слову стала проявляться у меня в самом раннем детстве.

Генка мне ничего не сказал в ответ, только посмотрел на меня взглядом затравленного зверька, мол, и ты тоже такая, как все, — предательница. Знать тебя больше не хочу! Наплевать и растереть!

Так Генка на долгое время исчез из моей жизни.

А вечером я снова подслушала разговор моих родителей и узнала, что Генкин папа, врач Кремлёвки, оказался заговорщиком-сионистом и врагом народа. И его посадили в тюрьму. Это же надо! Генкин папа оказался врагом целого советского народа!

Кто такие сионисты, я не знала, но решила, что это очень плохие люди, вроде воров, бандитов и шпионов. Наверное, права была няня Дуня, когда сказала, что мне нужно искать новых друзей. Такие друзья, как Генка, мне не подходят. Но в глубине души мне было жаль Генку и его маму. В общем, моё детское сердечко раздирали противоречия.

После ареста Генкиного отца и отъезда матери с сыном в неизвестном направлении на нашей площадке воцарилась

зловещая тишина. Какое-то время квартира «врага народа» была опечатана. Я старалась не смотреть на дверь и печать. Потом ещё долгие месяцы меня преследовал этот беспомощный взгляд моего маленького друга.

Я росла впечатлительной девочкой, и у меня появилось чувство необъяснимой вины перед Генкой, что я вот осталась с мамой и папой в нашем доме, а моего друга вырвали из детства и куда-то увезли.

* * *

В 1953 году умер Сталин. Мне было пять лет, и я отчётливо помню, как всколыхнулся и затрепетал наш огромный город-дом. Одни соседи откровенно напоказ рыдали. Мол, люди добрые, что теперь будет со всеми нами и с нашей осиротевшей огромной страной? Другие, наоборот, умолкли, спрятали свои тайные мысли и прикусили языки.

Мои родители вместе с бабушкой заперлись в спальне, как обычно, поручили заботы о нас с Маринкой няне, шептались и долго не выходили из комнаты. Может, даже и не шептались, а писали друг другу записки. Как ни старались мы с няней услышать, что происходило за дверью спальни, так ничего и не слышали. Из комнаты не доносилось ни звука. Потом дверь открылась, появились папа с мамой, опечаленные, в слезах, надели пальто и шапки и куда-то ушли. (Только позже я поняла, что они отправились попрощаться с «отцом народов».)

А бабушка никуда не пошла, осталась с нами. Она не выражала никаких эмоций. «Ушла в себя», как любила говорить сама бабушка. (Хотя я не могла взять в толк, как это можно уйти в себя и выйти из себя. Идиоматические выражения русского языка я тогда воспринимала весьма буквально.) Вспоминаю теперь и догадываюсь, что бабушка, наверное, в те минуты думала о дедушке, который не дожил до этого дня.

— Бабуля, почему ты не плачешь? Папа с мамой плакали, а ты нет. Тебе не жалко дедушку Сталина? — спросила я.

— Очень жалко, деточка! Но я уже своё отплакала, все слёзки вылились. Больше нет.

— Бабуля, а ты лук порежь, и слёзки сами польются. Няня вчера лук резала и плакала. Она мне сказала, что иногда

поплакать полезно. Слезы очищают душу. А что такое душа, и почему её надо чистить?

— Ой, трудные ты задаёшь вопросы, внучка! Не знаю, как и ответить. Душа, если она есть, — это, возможно, невидимая субстанция внутри нас. Когда люди совершают плохие поступки, она загрязняется. И её надо очистить, отмыть... слезами. А может, души-то и вовсе нет. Наукой существование души не доказано.

— А мне кажется, что душа есть, бабуля. И лучше, чтобы она была, а то как же плохие поступки чистить?

— Плохие поступки лучше совсем не совершать, тогда и чистить ничего не надо, — сказала назидательно, в воспитательных целях бабушка.

— А что такое субстанция? Это такая особенная станция внутри живота? — продолжила я атаковать бабушку вопросами.

— Да, нечто в этом роде. Какая же ты у меня умная, внученька! Поставила бабушку в тупик, — сказала бабушка и улыбнулась.

— А что такое «тупик»? — допытывалась неугомонная я.

— Думаю, на сегодня хватит. О тупике поговорим в следующий раз, хорошо? — усталая бабушка поставила точку, оборвав наш затянувшийся сеанс вопросов и ответов.

— Ладно! — согласилась я, понимая, что на сей раз задала слишком много вопросов и утомила бабушку.

* * *

Няня тоже отправилась попрощаться с любимым вождём. Однако через несколько часов все трое вернулись домой.

— Ну что? Попрощались? — осторожно спросила бабушка.

— Нет! Там огромная толпа и дикая давка. Людей затоптали... Мы еле ноги унесли, — пробормотала мама и тихо-тихо добавила: — Это будет вторая Ходынка. Страшно!

— Слава богу, что у вас ума хватило вернуться! И что вы вообще смогли вернуться, — выдохнула бабушка, и тут-то она заплакала.

— Бабуля, ты сказала, что все твои слёзки кончились, а сама плачешь. Даже без лука, — удивилась я.

- Это я от радости, деточка. Вот новые слёзки и появились. От горя они бывают горькие, а от радости — сладкие.
 Я решила проверить и поцеловала бабушку в щёку.
 — Неправда! Твои слёзки солёные.
 — Но не горькие ведь! — сказала бабушка.

ПЕРВЫЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Очень скоро бывшую Генкину квартиру отремонтировали, и туда въехала другая семья: известный беллетрист П-ов с женой и дочерью Лизой, моей ровесницей. Первое время мои родные не здоровались с новыми жильцами, при встрече демонстративно отворачивались, так сказать, игнорировали или даже бойкотировали их, подозревая в доносе на Генкиного отца с целью получить квартиру в нашем уникальном доме. Потом время как-то сгладило ситуацию. Бабушка решила, что Лизкины родители ни в чём не виноваты.

— Их вина ведь не доказана, так зачем же сразу выносить обвинительный приговор! Не может быть, чтобы все новые жильцы в нашем доме оказались мерзавцами, — изрекла бабушка. А именно она задавала тон в нашей семье.

Так мы по отношению к П-овым сменили гнев на милость, а я и Лиза даже подружились и вместе пошли в первый класс. Но всё равно, в бывшую Генкину квартиру я никогда больше не заходила. Мы с Лизой всегда играли у нас или во дворе.

Трудно с высоты прожитых лет анализировать чувства и страхи ребёнка. Наверное, я подсознательно боялась призраков бывших жильцов. Или не хотела чувствовать себя предательницей, играя с Лизой в Генкиной квартире без Генки.

Мама ради моего первого школьного дня не пошла с утра на работу. Отпросилась. А папа аж в полвосьмого утра даже поехал на рынок за букетом цветов для моей будущей учительницы, но с нами в школу не пошёл. А ведь мог бы, так как работал дома и ему не надо было, как маме, отпрашиваться у начальства. Папа был сам себе начальник. Он стал довольно известным литератором, драматургом и сценаристом. Папины критические статьи печатали в «Литературной газете», по его сценариям снимали фильмы. В московских театрах

ставили спектакли по папиным пьесам. Мой папа целыми днями работал. Заходить к нему в комнату и прерывать его творческий процесс можно было только в случае крайней необходимости, например пожара, землетрясения или телефонного звонка из Союза советских писателей.

Помню, стоял тёплый осенний день первого сентября 1955 года. Наша школа № 19 имени Белинского располагалась на Софийской набережной. Школа имела богатую историю, была знаменита своими покровителями, учителями и учениками. До революции в этом здании располагалось Мариинское училище для девочек, в котором преподавал сам молодой Сергей Рахманинов. Но я тогда была слишком маленькой, чтобы понять и осознать, как мне повезло со школой.

Для меня эта школа была просто школой, общеобразовательной обязателькой, правда, с возможностью увеличить круг друзей и расширить горизонты. Школьное светлое трёхэтажное здание по сравнению с нашим громадным серым домом показалось мне маленьким и незначительным.

Краткая послевоенная эпоха отдельного обучения мальчиков и девочек закончилась. Этот общеобразовательный эксперимент в советской школе — на манер царских гимназий — не удался. На школьном дворе мы стояли все вместе: девочки в коричневых форменных платьицах и белых фартучках и мальчики в сизо-серой военизированной форме (гимнастёрка с ремнём, увенчанной солидной пряжкой, и брюки). Все дети — с букетами цветов для первой учительницы. Цветов — море. Ни ваз, ни просто стеклянных банок в школе не хватало.

Куда потом эти букеты девались?! Неужели Нина Ивановна, наша молодая учительница, все цветы домой уволокла?

Бритые наголо головы мальчишек (а-ля солдаты-новобранцы) были покрыты фуражками, а девичьи головки сверкали белыми бантами в косичках. Мальчикам не разрешалось оставить даже чубчик, а волосы девочек были причёсаны на строгий прямой пробор, и никаких чёлочек и других вольностей в причёсках не допускалось. (Помню, первую чёлочку я позволила себе выстричь в четвёртом классе, за что была вызвана на ковёр к директору вместе с моей мамой. И мы обе получили нагоняй за недопустимо фривольный облик советской

школьницы. Эту несчастную чёлку потом пришлось убирать набор заколкой, пока она не сравнялась длиной с остальными волосами.)

Я была довольно крупной девочкой, видела хорошо, очков не носила, поэтому Нина Ивановна посадила меня за парту ближе к концу крайнего левого ряда у окна. Моим соседом по парте оказался мальчик не из нашего дома. Он просто жил где-то поблизости. Лизу П-ову определили за парту впереди меня — тоже с каким-то пришлым мальчиком. В общем, даже при распределении кого с кем посадить соблюдался принцип совместного обучения полов, чтобы привыкали общаться. Но мальчишек в нашем классе оказалось больше. Так что на последних партах-«камчатках» сидели верзилы — мальчик с мальчиком. Вообще, после войны рождалось больше мальчиков, чем девочек. Видно, природа таким образом пыталась восполнить гибель мужчин, рождённых в начале двадцатых годов.

Нина Ивановна рассказала нам и показала, как полагается сидеть за партой (держат руки исключительно наверху, ничего не прятать). Когда учитель входит в класс, надо, не громыхая, откинуть крышку парты и встать. Когда тебя вызывают, тоже надо встать. Если хочешь что-то сказать учительнице, не кричи с места — подними руку... ну и всякие разные другие правила поведения в школе.

Больше ничего о первом школьном дне не помню. Наверное, навалилось слишком много впечатлений сразу. Только помню, что день был с непривычки жутко длинный (хотя всего-то четыре урока — с половины девятого до часу дня — вместе с большой переменной). И ещё: я огорчилась, когда из школы меня пришла забирать не мама, а няня. А я-то хотела моим новым знакомым похвастаться, какая красивая у меня мама, похожая на знаменитую и любимую всеми артистку Любовь Орлову.

В первый же день задали домашнее задание — писать крючочки и палочки с нажимом. Я старательно выводила их карандашом и так устала от этого занятия, что у меня заболел указательный палец правой руки. Я даже гулять не пошла, хотя за мной забежала Лиза и позвала во двор прыгать через верёвочку. Няня открыла Лизе дверь, строго посмотрела на неё сверху вниз и отчеканила:

— Не пойдёт она никуда. Отдыхает. Намаялась бедняжка. Цельный час крючки писала и палочки, аж два карандаша сломала. Завтра будете прыгать. Лети домой, стрекоза!

Мама пришла вечером с работы и хотела расспросить меня, как прошёл первый день занятий, но я уже крепко спала. А папа так меня ни о чём и не спросил, даже из кабинета не вышел к обеду. Няня принесла ему обед прямо в кабинет — аж на подносе. «Папочка находился на пике вдохновения и не мог прервать свой важный творческий процесс», — как потом с улыбкой объяснила мама.

Больше мама меня в школу не водила. Хорошенького понемножку. Правда, она исправно посещала родительские собрания. Будила и собирала меня в школу няня. Вернее, она собирала утром меня вместе с трёхлетней Маринкой, и в школу мы шли втроём. Потому что куда ж Маринку девать с самого утра? Сначала — меня в школу к полдевятого, потом Маринку на полдня (к девяти) в садик, который помещался на последнем этаже нашего дома.

Забросив нас с сестрёнкой куда полагалось, няня переводила дух и принималась за свои обязанности по хозяйству. На ней висел весь дом вместе с уборкой и готовкой обеда, так как наше семейство в середине пятидесятых годов уже не так часто отоваривалось в продуктивном распределителе. Дедушка давно умер, бабушка вышла на пенсию, а мои родители были птицами уже не столь высокого полёта. Да и распределитель после войны значительно оскудел. Но всё же, по сравнению с московскими продовольственными магазинами, это был кладёзь продуктов.

Через две недели Нина Ивановна объявила ученикам, что надо выбрать старосту класса и, поскольку никто не знал, кого и как выбирать и для чего нужен староста, сперва объяснила, что староста нужен для порядка в классе, а потом сама же старосту и назначила — Лену В. Как потом выяснилось, Леночка была внучкой кандидата в члены ЦК КПСС. Она была организованной девочкой, послушной, способной и, видимо, метила в круглые отличницы. Никто не спорил. А я даже с облегчением подумала: «Хорошо, что не меня!»

Мне совсем не хотелось быть на виду, кем-то руководить и за кого-то и за что-то отвечать, кроме, разумеется, себя са-

мой и своих поступков. Я с детства росла индивидуалисткой. Как говорила мама, вещью в себе.

Очень скоро нам сказали, что каждый ученик в классе должен будет «отдежурить» после уроков. Очередь дошла и до меня. Нина Ивановна, толком не объяснив, что входит в обязанности дежурного и как долго нужно будет дежурить после занятий, ушла в учительскую. Все дети отправились по домам в полвторого, а я осталась в классе со школьной нянечкой (так мы называли уборщиц) тётёй Надей и сразу ударились в отчаянный рёв. Я решила, что буду на дежурстве до позднего вечера (а может, и до ночи!) в одиночестве, без оружия охранять класс от набегов воров и хулиганов. И как же я потом одна пойду домой в темноте?! Мне стало страшно.

— Не хочу дежурить! Домой хочу! Няня Дуня ждёт меня! Не буду дежурить! — всхлипывала я.

— Не плачь, Ирочка, не плачь, девонька! Дежурить совсем не страшно. Мы с тобой только польём цветочки, вытрем доску, соберём с пола бумажки, и ты сразу пойдёшь домой, — утешала меня тётя Надя, которая оказалась женщиной доброй, любящей детей и понимающей детские страхи.

Я успокоилась, перестала рыдать и благополучно справилась с дежурством. Я больше не боялась дополнительных обязанностей трудового воспитания советской школьницы, и мне было жутко стыдно за глупые слёзы и «детский сад», который я устроила. А тётя Надя умела хранить секреты, и мы стали друзьями. Каждый раз, когда мы пересекались в школе, она встречала меня успокаивающим взглядом, который заверял: «Не бойся! Я никому не расскажу о твоём первом дежурстве».

О ВОЖДЯХ, ОКТЯБРЯТАХ И ПИОНЕРАХ

Что ещё я помню о начальной школе? Помню, как после февраля 1956 года разом исчезли со стен все портреты Сталина. Магически исчезли — и всё. Ленин и Карл Маркс с Фридрихом Энгельсом остались, а Сталин испарился. Нам, первоклашкам, никто ничего не объяснил. Видимо, мы были слишком малы, чтобы понять и переварить информацию о XX съезде КПСС и развенчании Хрущёвым культа личности

Сталина. Моя соседка и закадычная подружка Лиза отозвала меня в сторону в коридоре и заговорщически прошептала:

— Смотри! Портреты Сталина убрали. Ни одного не оставили! Мой папа сказал, что он нехороший человек. А мой папа всё знает. Он — знаменитый писатель.

— Вижу, не слепая! Подумаешь, мой папа — тоже знаменитый писатель! — буркнула я и решила не продолжать с Лизой этот «взрослый» разговор.

Несмотря на малолетство, я интуитивно чувствовала, что такие разговоры не для школьных стен. Сегодня портрет Сталина убрали, а завтра возьмут и опять повесят... Всё может быть. Вот приду домой и спрошу у родителей или у бабушки. Они уж точно знают, что произошло и чем Сталин провинился.

Папа с мамой, как всегда, пришли домой поздно. Няня кормила нас с Маринкой, а заодно и бабушку, обедом. При трёхлетней Маринке я решила не начинать разговора о Сталине и его портретах. Она маленькая и ещё совсем глупая, может всё не так понять и в детском саду проболтаться. Няня тоже не вызывала у меня доверия для такой важной политической информации. После обеда я пошла за бабушкой в её комнату и спросила:

— Бабуля, а вождь Сталин хороший?

— А почему ты вдруг спрашиваешь? — опешила бабушка.

— У нас в школе убрали все его портреты и нам, детям, ничего не объяснили. Может, ты объяснишь? Лизин папа сказал, что Сталин плохой. Как это так? Был великий вождь, все его любили, и вдруг он стал плохой? Разве такое бывает?

— Ну что же, придётся, видимо, тебе объяснить. Ты ведь уже девочка большая, разумная. Недавно прошёл XX съезд КПСС. Ты ведь знаешь, что это такое.

— Знаю. КПСС — это кому слава! На плакатах у нас в школе и по всему городу. Куда ни помотришь — всюду этой КПСС слава!

— Ну да! КПСС — это Коммунистическая партия Советского Союза, самая важная организация в нашей стране. Твой дедушка был коммунистом, членом партии, и твой папа — молодой коммунист. Так вот, на XX съезде партии Никита Сергеевич Хрущёв объявил, что Сталин причинил много зла людям. Помнишь твоего друга Генку? Его отца несправедливо

посадили в тюрьму, обвинив в том, что он — враг народа. По приказу Сталина и его помощников невинных людей сажали, некоторых даже расстреливали. В нашем доме многих посадили. Пока не знаю, сколько человек, но мы потом обязательно всё узнаем. И всех их непременно оправдают, реабилитируют. Так что Сталин — самый настоящий злодей. И правильно сделали в вашей школе, что его портреты убрали.

— Какой ужас, бабуля! Великий вождь Сталин, оказывается, злодей. Никому нельзя верить, даже великим вождям! А дедушку нашего тоже расстреляли?

— Нет, дедушка умер молодым. У него было больное сердце. Если б сам не умер, его бы точно посадили или расстреляли. Кстати, о вере. Людям надо верить. Не всем, конечно! Но без веры в справедливость жить нельзя. Такая жизнь теряет всякий смысл. Ты вырастешь и поймёшь.

— Конечно, пойму. И я уже почти выросла. Ой, бабуля! Генкиного папу жалко и дедушку тоже! А ты плакала, когда дедушка умер?

— Плакала, Ирочка, плакала. И до сих пор плачу.

— Не плачь, бабуля, я тебя очень люблю.

— И я тебя люблю, моё солнышко. — Бабушка обняла меня и поцеловала. На этом наш разговор о сталинских репрессиях закончился. А ночью мне приснился Генка. Как будто он стоит на сцене в актовом зале нашей школы, размахивает красным флагом и кричит:

— Слышите? Мой папа ни в чём не виноват! Не виноват! Не виноват! Его оклеветали. Он честный человек и хороший доктор.

А Лизкин отец усмехается и отвечает ему:

— Ну, это ещё надо доказать, товарищи!

* * *

В конце первого класса по случаю дня рождения Ленина 22 апреля нас принимали в октябрята. Чести быть ленинским октябрёнком удостоились все ребята, кроме двух второгодников. На торжественной линейке в актовом зале вызвали каждого из нас и приколотили к школьной форме октябрятский значок — пятиконечную звёздочку с портретом маленького

кудрявого Ленина. Гордости моей не было границ. Весь класс поделили на «звёздочки» по пять человек. Внутри моей звёздочки мне досталась «должность» санитаря. А я хотела быть библиотекарем. Но библиотекарем назначили Лизу, так как она была почти отличницей, а я перебивалась с троек на четвёрки, хотя бабушка меня научила читать в пять лет. На родительских собраниях Нина Ивановна говорила маме:

— Ирочка способная и вроде неленивая, но какая-то несобранная. Она у вас мечтательница. Часто сидит на уроках и в окно смотрит, ворон ловит. Вызовешь её — отвечает невпопад. О чём она мечтает? А могла бы стать отличницей. Уже свободно читает, и её словарный запас значительно выше уровня второклассницы. Да, я знаю, это вы её научили читать. Но нельзя же жить одними книгами! Кроме чтения и письма есть ещё другие предметы, например арифметика. У вашей девочки прекрасные данные, но, к сожалению, отсутствует интерес к точным наукам. Обидно!

— Понятно. Вы абсолютно правы, Нина Ивановна. Спасибо! Я поговорю с Ирочкой, — пообещала мама. Дома она рассказала о разговоре с учительницей и устроила мне воспитательный час с головомойкой. Что, мол, кроме чтения есть ещё и арифметика и будут другие, не менее увлекательные науки, например биология, физика, химия, и надо отлично учиться, иначе не поступишь в институт, не получишь хорошую профессию и так далее и тому подобное. Я слушала, кивала, опустив глаза, и клятвенно обещала исправиться. Даже поклялась своей октябрятской звёздочкой. По маминым глазам я видела, что моя торжественная клятва её вовсе не убедила.

* * *

Следующим важным этапом моей школьной жизни было вступление в пионеры. Мы с Лизкой не могли дождаться этого дня. Наглаживали пионерские галстуки, тренировались, как правильно их завязывать, часами торчали перед зеркалом у нас в прихожей.

И вот этот желанный день настал. Будущих пионеров повезли сначала в Исторический музей на торжественную линейку и церемонию, потом, уже в красных галстуках, мы от-

стояли длинную очередь в Мавзолей Ленина. (Сталина уже оттуда убрали.) В мавзолее было темно и холодно, как в могиле. Мы шли по цепочке вдоль стен. Нам строжайшим образом запретили разговаривать, велели вынуть руки из карманов. (А вдруг в кармане пистолет или граната!) Мне, честно говоря, было неприятно и даже жутко смотреть на мёртвого, словно из воска, Ленина. Мороз по коже.

Такой может присниться только в кошмарном сне. Казалось, что мёртвый вождь вот-вот воскреснет, встанет и грозно, во весь голос, скажет: «Чего уставились? Покойников не видали? А ну, пошли отсюда, мелюзга!» У меня аж засосало от страха под ложечкой и голова закружилась. Я держалась за Лизку, она — за меня. Лизкина рука была холодная, как лёд, а глаза круглые-круглые и светились в полумраке, словно светлячки.

Когда мы вышли на воздух, Лизка прошептала мне на ухо:

— Какой ужас! Лучше бы они его, как всех, в могилку закопали на кладбище и красивый памятник поставили. Мы бы приходили на могилку, приносили ему цветочки и плакали.

— Что ты такое говоришь? Великого вождя нельзя закапывать в обычную могилу. Он должен быть постоянно на виду у народных масс. — Это была фраза, которую я от кого-то из взрослых услышала и с умным видом произнесла, а потом всё же с опаской добавила: — Хорошо, что нас с тобой никто не подслушивает.

— А что такого я сказала? Моя няня говорит, что всех мёртвых христиан надо в гроб класть и в землю закапывать. Если тело в землю не закопать, душа покойника будет мучиться. Выходит, душа великого вождя Ленина мучается.

— Так то ж мёртвых христиан в землю закапывают, а Ленин был большевиком, вождём советского народа. Большевики в Бога не верят, и коммунисты тоже. И вообще, пора бы тебе знать, что Бога нет!

— А няня сказала, что Бог есть. А кто в него не верит, будет гореть в аду. Или черти будут его жарить на сковородке. Вот так!

— Ой, Лизка! Ты совсем обалдела. Мы же пионеры-ленинцы. Мы в Бога не верим. Какой ад, какие черти, какие сковородки!

— Верим или не верим, а он всё равно есть, — упрямылась Лизка.

— Так! Я ничего такого не хочу слышать! Твоя нянька — тёмная деревенщина, — парировала я.

— А твоя нянька городская, что ли? Они все из деревни, и все по воскресеньям в церковь ходят на службу. Скажешь, нет? Один раз на Пасху няня взяла меня с собой в церковь молиться и куличи святить. Было так красиво! И куличи с ванилью очень вкусные.

— Отсталая ты, Лизка! А ещё дочка советского писателя называется!

— Если я отсталая, то ты просто дура примитивная! У тебя нет никакого воображения!

Мы бы ещё долго так пикировались, если бы не любопытный взгляд, который вечная (не сменяемая с этого поста уже три года) староста класса Лена бросила в нашу сторону.

— Всё! Замолчи, если не хочешь неприятностей. Видишь, Ленка на нас уставилась. Она всё слышит. Ещё наябедничает Нине Ивановне, что мы с тобой не достойны звания советского пионера-ленинца. Вызовут родителей, будут нас перевоспитывать. Может, даже из пионерской организации исключат! Тебе это надо?

— Не надо! Ты права! Я больше ни слова. И вообще, если что... я тебе ничего не говорила. Ни-че-го! Понятно?

— Конечно, понятно! Что я — маленькая, что ли?

Мой одноклассник ЖЕНЯ

Интерес к мальчикам проявился у меня где-то в пятом классе. Вернее, сначала у них возник интерес ко мне. Я росла крупной, физически развитой девочкой, в одиннадцать лет у меня уже начались месячные, а к тринадцати годам сквозь школьное платье отчётливо начали проступать мягкие женские формы. Первое время я их стеснялась, но потом перестала, осознав, что неотвратимо быстро превращаюсь в девушку, и этого превращения не только не надо стесняться, но и, напротив, можно им гордиться. Моя хорошенькая мордашка (по словам родни, копия мамы) вкупе с другими жен-

скими прелестями привлекала мальчиков, и я часто ловила на себе их заморожённые взгляды.

К началу седьмого класса я влюбилась в новенького одноклассника Женю М-ского.

Он был, что называется, пришлый: хотя из нашего дома, но не москвич. Как я потом узнала, его отец, получивший звание и должность полковника Генштаба, был переведён в столицу откуда-то из Сибири. (За какие заслуги — неизвестно.)

Просто освободилась очередная квартира в нашем доме, и Женину семью туда поселили, — благожелательно по отношению к Жениным родителям решила я.

Мальчик выгодно отличался от других ребят-одноклассников — не слащавой красотой, нет (хотя он, безусловно, был привлекателен лицом). Его выделял высокий рост, по-военному прямая спина, жгуче-чёрные, цыганистые глаза, мужественный облик, аккуратность и поистине строевая подтянутость. Форменные брюки всегда наглажены, гимнастёрка будто свежестырирана (или только что из химчистки), ботинки до блеска начищены, пряжка на поясе надраена, словно самовар моей няни перед праздником. Учился он на четвёрки и пятёрки, хотя вон из кожи не лез, руки не тянул, как выскочки и подлизы — мол, вызовите меня, я знаю материал лучше всех. Но если его вызывали, никогда не нервничал, не смущался, всегда отвечал правильно, рассудительно и спокойно. В носу не ковырял и ногти не грыз, как некоторые. И ногти у него были красивые, овальные, аккуратно подстриженные, как у музыканта.

Целый год я скрывала свои чувства прежде всего от самого Жени, а также от Лизки, с которой мы делились нашими девчачьими тайнами.

И я бы никогда первая не призналась мальчику в любви. А вдруг он меня отвергнет! Что мне тогда останется делать? Сгореть со стыда или утопиться в Москве-реке, прыгнуть в стильную тёмную воду с Берсеневской набережной?

Иногда наши взгляды пересекались, и мне казалось, что его глаза радуются встрече с моими глазами, светятся симпатией или... чем-то большим, чем простая симпатия. Я скромно отводила взгляд и улыбалась — про себя. Эта молчаливая игра взглядов продолжалась до весны, пока однажды на

большой перемене, когда мы играли в традиционные «ручейки», он не выбрал меня, и не просто выбрал, а вложил мне в руку записку и крепко сжал мою ладонь, сомкнув мои пальцы, наверное, чтобы записка не выпала на пол. Я быстро положила листочек в карман фартука, вынырнула из «ручейка» и спряталась в дальний угол коридора, чтобы никто не видел, как я читаю записку. А там аккуратным, чётким почерком было написано следующее:

«Ира! Приходи после уроков на школьный двор в 3 часа. Мне нужно с тобой поговорить! Очень нужно!!! Пожалуйста, приходи! Буду ждать. Женя».

Вот оно! Женина записка обжигала мне руки. В моей влюблённой голове крутились самые разные мысли: он влюбился в мою умную и красивую подругу Лизку, не решается ей признаться и хочет это сделать через меня, чтобы я послужила передаточным звеном. Или: он хочет меня куда-то пригласить, позвать в кино или в театр, у него есть лишний билетик. А может, просто он совсем не знает Москвы и истории нашего дома и попросит меня обо всём ему рассказать, то есть просветить? Оставался последний вариант, на мой взгляд, самый невероятный и самый желанный: он вовсе не в Лизку влюбился, а в меня. Чем я хуже Лизки? Я, пожалуй, даже красивее, и ноги у меня стройнее и длиннее, хотя, если смотреть правде в глаза, она способнее меня и учится на «отлично».

Но няня как-то сказала мне:

— Ты, девонька, особо не умничай! Мужчины влюбляются не в женский ум, а в красоту и доброту. И вообще, мужчины не больно-то любят умных женщин. Твоя умная мама... Ой, что-то я заболталась!

— Да, моя мама очень умная и красивая! А что ты хотела сказать? С моей мамой что-то не так? — спросила я удивлённо и встала руки в боки.

— Твоя мама — исключение из правил, она редкая женщина. И умная, и красивая, и добрая! — тут же поспешила исправить оплошность няня.

— Вот именно! — подвела я итог.

Я сбегала домой, сбросила потную школьную форму, распустила косы, завязала волосы в конский хвостик, надела

новое красивое платье и туфельки на крошечном каблукешпиле, которые мы с мамой купили для меня в комиссионке. Зашла тайком в родительскую спальню, открыла на мамином туалетном столике пудреницу и слегка припудрила прыщик, который именно сегодня, как назло, вскочил на моём лоснящемся носу.

— Ты что делаешь? Я всё маме расскажу, — злорадно пообещала десятилетняя Маринка, которая пристально и с явной завистью наблюдала за моим магическим «превращением из Золушки в принцессу перед балом».

— Ну, пожалуйста, не рассказывай ничего маме! Клянусь! Я всё, что захочешь, для тебя сделаю, — умоляла я сестрёнку. И добавила для пущей правдивости, на всякий случай, чтобы потом не было претензий: — Ну, почти всё...

— Хорошо, я подумаю, что ты можешь для меня сделать. Так... ты должна написать за меня сочинение на тему «Как наша семья встретила праздник Первое мая». Напишешь?

— Конечно, напишу! Это будет лучшее сочинение в твоём классе. Ты единственная из всех получишь пять с плюсом в тетради, в дневнике и в классном журнале, и твоё гордое имя вместе с фотографией торжественно поместят на школьной Доске почёта, — клятвенно пообещала я, предрекая Маринке славу, ибо русский язык и литература были единственными предметами, по которым у меня всегда было «отлично». И сочинение написать для меня — раз плюнуть.

Удовлетворённая моим обещанием, Маринка от меня отстала, а я придиричиво оглядела себя в зеркале, одобрила свой внешний вид и опрометью, цокая каблукешками по асфальту, бросилась назад к школе. Мне исполнилось четырнадцать лет, возраст — чуть старше Джульетты. Это было моё первое настоящее свидание с мальчиком.

Я еле-еле успевала к трём часам. Понаблюдав за моими поспешными сборами, переодеванием и прихорашиванием, няня прокричала мне вдогонку с балкона, да так громко, аж на всю набережную:

— Куда ты летишь, не поевши, как очумелая? Неужели на свиданку? Интересно, с кем?

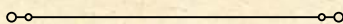
— Да, нянечка! На свиданку. Всё потом расскажу, — ответила я на бегу, запыхавшись.

*Автор сердечно благодарит
Татьяну Янковскую, Веру Зубареву, Ирину Шульгину,
Владислава Китика, Татьяну Щеголеву, Анну Борисову,
а также сотрудников издательств M-Graphics
Publishing (Бостон) и Vagriy & Company (Чикаго)
за помощь в создании этой книги.*

Елена Литинская — поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Родилась и выросла в Москве. Окончила славянское отделение филологического факультета МГУ имени Ломоносова. Занималась поэтическим переводом с чешского. С 1979 года проживает в Нью-Йорке. Издала двенадцать книг стихов и прозы. Стихи, переводы, рассказы, повести, очерки и критические статьи Елены можно найти в «Журнальном зале», в периодических изданиях, сборниках и альманахах США и России. Елена — лауреат и призёр нескольких международных литературных конкурсов. Она заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Гостиная» (gostinaya.net).

«Понять нельзя простить» — полифоничный сборник, состоящий из двух повестей и восьми рассказов на историческую тему и тему современной жизни в России и США. Герои и героини рассказов и повестей — обычные люди со своими проблемами и тайнами, отнюдь не богатые и не знаменитые. Они находятся в постоянном поиске своего места под солнцем и в вечной погоне за той единственной взаимной любовью, которая заморозит, поймёт, оценит и поможет перенести тяготы жизни. Персонажи рассказов и повестей — сильные, волевые характеры, обладающие умением выживать, сталкиваясь с такими драматическими и порой трагическими ситуациями, как обман, предательство, арест, измена, ревность, искушение, расовые предрассудки, война, болезни, смерть...

Очарование прозы Елены Литинской — в сочетании юмора и психологизма, динамики и подтекста. Нет ни повторяющихся героев, ни повторяющихся сюжетов. Живые, интересные диалоги, мастерски переданные интонации. Не читаешь, а буквально слышишь и видишь происходящее. Захватывающее чтение, и есть над чем поразмыслить!

Вера Зубарева

Рассказ «Под созвездием Ковида» похож на рождественскую сказку. То, что действие происходит в Нью-Йорке, а ещё больше — неожиданные повороты, придающие затейливости сюжету, немного грустные и с лёгким юмором ситуации, напоминают манеру О. Генри, добрую и в этом жизнеутверждающую.

Владислав Китик

Книги Елены Литинской, писательницы, живущей на стыке американской и русской культуры, — образец по-настоящему хорошей, полновесной, заставляющей думать литературы.

Ирина Шульгина

ISBN 978-1-950319-80-0

9 781950 319800

www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com